

БРАТЯ БРУСИНЫ ОПРОВЕРГАЮТ ЭЙНШТЕЙНА

Брусин С.Д, Брусин .Д.

e-mail: brusins@mail.ru

Аннотация. В популярной форме рассказывается об ошибках Эйнштейна и возможности получения экологически чистой энергии с колоссальной эффективностью.

Под таким названием в 1995 г. по Житомирскому телевидению была показана премьера телепередачи «Эврика», передачи (по словам ее ведущего Василия Головецкого) про необычных людей и про необычные идеи. Ниже приводится текст беседы ведущего со Станиславом Брусиным, одним из авторов книги «Иллюзия Эйнштейна и реальность Ньютона».

Головецкий: «Станислав Давидович, я что-то не вижу брата Леонида. Что случилось?»

Брусин: «Я должен сказать, что все работы мы проводим совместно много лет. Но я живу в Житомире, а брат — в Москве, работает физиком. К сожалению, сейчас у него не было возможности приехать. Так что пока я один. Надеюсь, что когда-нибудь и вдвоем с Вами встретимся. Мы близнецы, как говорится, один к одному».

Г.: «Вы, вообще, осведомлены, на кого Вы с братом замахнулись? Эйнштейн — это такая фигура, такой авторитет в науке, что просто страшно опровергать его идеи. Вам не страшно?»

Б.: «Мы прекрасно понимаем, что Эйнштейн — это великий авторитет. Но мы замахнулись не на Эйнштейна. Мы поставили целью разобраться с теорией относительности, которая является фундаментом современной науки. Думаем, что нам удалось показать несостоятельность многих положений этого фундамента и найти более правильный фундаментальный подход в решении

проблем современной науки».

Г.: «Ну хорошо, тогда переходим к Эйнштейну. В чем же он, по-вашему, ошибается?»

Б.: «Я бы хотел перечислить несколько основных ошибок. Во-первых, Эйнштейн полностью отказался от эфира. Дело в том, что до теории относительности еще с древних времен было понятие материального эфира. Много внимания эфиру уделял Ньютон. Под эфиром подразумевалась материальная среда, заполняющая все пространство Вселенной и находящаяся между телами и между частичками всех тел. С помощью эфира, придавая ему различные свойства (иногда даже взаимно противоположные), удавалось объяснить целый ряд явлений. Но, к сожалению, световые явления не удалось объяснить. Эйнштейн, произведя анализ всей истории развития эфира, нанес смертельный приговор эфиру, поскольку (по его словам) мы не можем объяснить, что из себя представляет эфир, не можем дать механического описания эфира».

Г.: «Эфир забраковал?»

Б.: «Да, отказался от эфира, и вся его теория относительности потом строится без применения эфира. Мы же во всех наших работах как раз раскрываем физическую сущность эфира и благодаря этому нам удается очень просто объяснить те же световые явления, которые Эйнштейн не мог объяснить с позиций эфира, и многие другие явления».

Г.: «Это, по-вашему, первый недостаток Эйнштейна, а еще какие?»

Б.: «Можно еще перечислить целый ряд. Например, анализируя опыт Майкельсона со светом...»

Г.: «Это то, что мы в школе учили, опыты Физо и Майкельсона?»

Б.: «Да, да. Поняв эти опыты несколько ошибочно, Эйнштейн формулирует принципиально новый закон постоянства скорости света. Смысл его заключается в следующем: например, если луч света идет от Земли к Венере, то скорость этого луча относительно Земли и относительно Венеры всегда одна и та же — c , независимо

от скоростей движения Земли и Венеры».

Г.: «Это то, что мы учили в школе: c равняется 300 тысяч километров в секунду в вакууме?»

Б.: «Да, принято 300 тысяч. Но важно, что она не меняется относительно тел, которые движутся. Но это противоречит классической механике, где скорость луча относительно тела зависит от скорости луча и от скорости тела. В 1961 году американские ученые провели локацию Венеры и пришли к выводу, что скорость света складывается со скоростью Венеры в соответствии с законами классической механики. Так оно и должно быть. Вот и вторая его ошибка. Причем, надо отметить, что закон постоянства скорости света Эйнштейн положил в основу всей теории относительности. Но главной ошибкой мы считаем неправильное доказательство относительности одновременности: если бы ошибка в этом доказательстве была обнаружена сразу, то не было бы ошибочной теории относительности. А ошибка эта связана с неправильным применением принципа относительности, четко сформулированным Галилеем».

Г.: «Я понимаю так (двумя словами): Вы с братом стали на защиту классических идей Ньютона?»

Б.: «Абсолютно верно. Мы считаем, что, раскрывая сущность эфира, раскрывая его свойства, можно решать важнейшие научные вопросы. В данном случае опыты Физо, Майкельсона, а также многие другие вопросы, которые сейчас стоят перед наукой, должны быть объяснены только с позиций классической механики Ньютона. Раскрывая свойства эфира, мы можем (в дальнейшем могу подробнее Вам рассказать) более правильно построить фундамент науки именно на основе классической физики?»

Г.: «Что же такое эфир, который Вы реабилитируете? Что он собой представляет по Вашей теории?»

Б.: «Сущность эфира, по-нашему, заключается в следующем. **Первое**, мы утверждаем, что **эфир представляет бесчастичную**

форму материи. Вот это понятие “бесчастичная форма” впервые введено нами. Поэтому я подробнее объясню, что это значит. Дело в том, что когда исследуется какая-то среда, то задается вопрос о том, из каких частиц она состоит. Но давайте тогда дадим понятие частицы. Очевидно, это нечто, которое имеет границы. За этими границами должна быть какая-то среда, которая чем-то отличается от частицы (допустим плотностью). Так вот, в представленном нами эфире мы нигде не можем найти такой границы, так как плотность эфира может меняться от точки к точке, но это изменение к ближайшей точке происходит на столь незначительную величину (как говорят в науке, бесконечно малую), что провести границу нельзя, нет границы. Поэтому мы и говорим “бесчастичная форма материи”. Это основное понятие, которое некоторые сразу понимают, а некоторые не понимают, что это такое».

Г.: «Можно так сказать, что эфир — это то, в чем плавают, пребывают частицы?»

Б.: «Да, мы же раньше говорили, что эфир — это все то, что заполняет всю Вселенную и находится между частичками всех тел. А теперь ясно, что строение его бесчастичное».

Г.: «Позвольте, я хочу с Вами немного подискутировать. Не защищая Эйнштейна, а для понимания Вашей идеи. Вы говорите, что эфир имеет плотность, массу и вместе с тем он не имеет частиц в себе, без них. Как может быть что-то с массой и без частиц? Не могу это никак понять».

Б.: «Абсолютно верно. Обязательное условие, что эфир обладает массой, плотностью...»

Г.: «А из чего же эта масса образуется, если она не состоит из частиц?»

Б.: «Эта масса характеризует материю. По определению Аристотеля материя является первичным субстратом, из которого состоят все вещи; материя заполняет всю Вселенную, не оставляя ни малейшего объема для пустоты. И, действительно, в своих

работах мы показываем, что самые мельчайшие элементарные частицы состоят из эфира очень высокой плотности. Считайте, что первичный субстрат **материя** заменен названием „эфир”».

Масса эфира «газообразна», она растекается по всей Вселенной и стремится (подобно газу) занять как можно больший объем, при этом, естественно, уменьшая свою плотность — вот свойство эфира. Но, как я говорил, найти резких границ (вот это такая, а это резко другая плотность) нельзя. Поэтому эта материя бесчастичная. То, что она «газообразная» — **вот второе ее свойство и третье** (очень важное): поскольку она обладает массой, то мы применили к ней (как к любой массе) закон всемирного тяготения Ньютона; мы говорим, что **эта масса гравитирует**, или притягивается к любым телам по закону всемирного тяготения, открытому Ньютоном».

Г.: «Это три свойства?»

Б.: «Да, основные три. Вот из этих трех частей сформулировано нами основное свойство эфира, которое раскрывает его сущность».

Г.: «Станислав Давидович, какова история Вашей идеи, давно ли ей занимаетесь? Какие публикации? Коротко».

Б.: «Физикой мы со школьных лет увлекаемся. И вот эту неуютность (может быть, связанную с теорией относительности) как-то чувствовали. Но идея раскрыть основное свойство эфира, о котором мы только что говорили, пришла нам в 1981 году. С тех пор — постоянная ежедневная работа над трудами Эйнштейна, все 4 тома надо было проработать и смотреть, насколько это укладывается в наши представления».

Г.: «А публикации?»

Б.: «С публикациями тяжело. По критике теории относительности все академические журналы бывшего Союза (да и сейчас стран СНГ) работ не принимают. Но в Житомире удалось в девяностом году опубликовать программную статью. В 1993 году мы издали книгу “Иллюзия Эйнштейна и реальность Ньютона”. Она была издана в Москве и продается. В ней подробно анализируется теория

относительности, причем в популярном изложении...»

Г.: «В Житомире ее где-то можно приобрести, почитать?»

Б.: «Я сделал таким образом: сдал один экземпляр в житомирскую областную научную библиотеку». (Эта книга, а также книга «К новым основам физики» находятся в ведущих библиотеках России — *примеч. авторов*).

Г.: «Еще, я знаю, что сейчас Вашими идеями заинтересовались российские научные работники и российские фирмы, Красноярск проявил интерес. И признание научного фонда Сороса тоже есть».

Б.: «Публикации были в журнале “Техника — молодежи”, где удалось опубликовать рефераты основных работ, в вестнике “Мир непознанного” Российского информационного агентства “Новости”. За рубежом уже удалось 4 статьи опубликовать в американском научном журнале. Мы приняли активное участие в конкурсе фонда Сороса и стали его лауреатами. Мы участники международных конференций по проблемам пространства и времени в естествознании. Эти конференции проводятся в С-Петербурге каждые 2 года. Прошло уже 4 конференции, мы участники трех последних. Выступаем с докладами».

Г.: «Давайте немного поразмышляем. Во-первых, почему академическая наука Вас не пускает, как Вы говорили, к публикации? Во-вторых, есть ли кто-нибудь из авторитетов, светил, которые Вас понимают, поддерживают и при случае что-то обещают в плане поддержки?»

Б.: «Я повторю, что Академия наук бывшего Союза еще в тридцатых годах приняла решение не принимать к публикации работы с критикой теории относительности. Поэтому Российская академия нас не поддерживает, т. е. если я туда с братом отправлю статью и, если в ней нет подписи очень влиятельной фигуры, то на 99 % она не будет опубликована».

Г.: «Но почему? Почему так?»

Б.: «Я сейчас Вам поясню. Дело в том, что теория относительности

в свое время действительно решила ряд важнейших научных проблем, завоевала большую популярность, стала фундаментом современной науки и настолько авторитет Эйнштейна высок, что если направляется статья куда-то, то надо очень квалифицировано разобраться, а это не каждый может и желает. Поэтому проще вот так — не принимать. Но я говорил, что за рубежом уже есть альтернативные журналы, которые публикуют. И на конференциях, как я говорил, можно выступить».

Г.: «Но кто поддерживает Вас? (я возвращаюсь ко второй части вопроса)».

Б.: «Ряд зарубежных ученых при рассмотрении материалов по фонду Сороса. Их рассматривали ученые из бывшего Союза и из дальнего зарубежья. Так вот, зарубежные дали высокие оценки. Я всех не знаю, но один прислал отличную оценку. А вот профессор Паршин из С-Петербурга грязью стал поливать. Дав согласие на рецензирование, он затем написал то, о чем его не просили: они (т. е. мы) основали отдел теоретической физики. Но на работу в фирму нас пригласил ее президент».

Г.: «Станислав Давидович, почему такое внимание российской науки (может не всей официальной) — Красноярск, Москва, конференции. А что по этому думает Украинская академия наук?»

Б.: «Когда первые три работы были готовы, мы направили их в Институт Теоретической Физики АН Украины. В своем ответе они советуют авторам почитать учебники по физике, хотя бы школьный курс».

Г.: «Это кто подписал? Патон?»

Б.: «Нет, это в Институте Теоретической Физики, подписал ученый секретарь Пушкаш. Мы им подготовили ответ: они так хорошо сидят в своих креслах, так уверены в истинности современной науки, что им даже в голову не приходит мысль о возможности принципиальных ошибок, как раз содержащихся в школьных учебниках. И наша, как говорится, голубая мечта написать для детей учебник физики, свободный от ошибок».

Г.: «А с прикладной точки зрения Ваши идеи что-то стоят? Что-то обещают реальное, конкретное хотя бы для экономики Украины, если не для всего мира, всей цивилизации?»

Б.: «Я бы сказал так. Мы, конечно, занимаемся исследованиями в области теоретической физики и теорией относительности мы занялись, чтобы проанализировать этот фундамент науки. Нам удалось показать, что он (мягко говоря) не совсем правильный. А дальше у нас есть целый ряд работ, где мы с наших позиций рассматриваем, например, важнейший вопрос, связанный с энергетикой. Если дальше его будем развивать, то будет колоссальный выигрыш в энергетике...»

Г.: «Я вижу, что у Вас есть программа и план работы на перспективу...»

Б.: «Да, я хочу коротко раскрыть суть по энергетике. Мы в работах показали, что масса “газообразного” эфира — это есть тепловая энергия. В то же время мы показали, что все тела содержат частички, которые представляют уплотненный эфир высокой плотности, примерно на 40 порядков выше плотности эфира, находящегося между молекулами газа при давлении 1 атм. Возникает мысль: если эти частички как-то разбить и превратить в “газообразное” состояние — значит, это есть энергия, т. е. это проблема превращения массы тела в энергию. **Таким образом, мы имеем теоретическое обоснование пути превращения всей массы вещества в энергию.**»

Г.: «Короче, Вы используете формулу Эйнштейна $E = mc^2$, т. е. Вы от него не отказались полностью?»

Б.: «Нет, мы Эйнштейна очень уважаем. За формулу $E = mc^2$ (если бы ее открыл Эйнштейн), за нее одну можно ставить золотой памятник. Но, правда, она была известна и до Эйнштейна, он просто популяризировал ее и дал ее вывод.

Проблема превращения массы в энергию в науке известна. Но как ее осуществить — наука не знает даже с какой стороны подойти.

Почему? Потому что фундамент науки не позволяет это. Наш фундамент позволяет вести работы по превращению массы в энергию. Что это даст? Эта энергия почти в пятьсот раз эффективней, чем самый эффективный известный сейчас способ — термоядерный синтез, которым ученые всего мира занимаются уже почти 50 лет. Так это в пятьсот раз эффективней. Приведу пример: если бы удалось полграмма водорода превратить в энергию, то это столько энергии, что, сидя в машине (самой мощной современной), можно кататься, не выходя из нее, 10 – 15 лет. Не говоря уже, что не надо сжигать топливо и т. д. Надо научиться превращать массу в энергию».

Г.: «Так это выход на экологию?»

Б.: «Да, если всю массу превратить в энергию, то не будет вредных частиц. Надо правильно понять, что мы говорим о новом направлении в развитии науки, т. е. это не значит, что вот сели, раз-два решили и все. Мировая наука занимается термоядерным синтезом уже около 50 лет и уже ушли на это десятки миллиардов долларов. Новое направление более эффективное и может быть разработано в более короткие сроки и с меньшими затратами».